

ПСИХОАНАЛИЗ И ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ¹

К. ЛЕВИН

Предлагаемый вниманию читателей текст принадлежит перу Курта Левина – крупнейшего методолога естественнонаучного типа исследований в психологии. По существу – это уникальная по глубине и интеллектуальной честности попытка сопоставительного методологического анализа двух типов психологии: научной (то есть экспериментальной естественнонаучной) и практической (то есть психотехнической). Попытка эта особенно интересна тем, что выполнена на материале двух ярчайших и наиболее презентативных – без преувеличения «парадигмальных» – образцов того и другого типа психологии – собственной левиновской, топологической и векторной, психологии и фрейдовского психоанализа. К тому же – это не внешнее, но глубоко внутренне мотивированное для Левина сопоставление. Можно было бы сказать, что дело жизни Левина во многом состояло (и так осознавалось им самим) в том, чтобы в рамках собственно научной психологии изыскать возможность, позволяющую полноценно иметь дело с такими жизненно-значимыми феноменами психической жизни человека, с которыми повседневно и эффективно, но вне собственно науки, имел дело фрейдовский психоанализ.

Но с высоты сегодняшнего дня, увы, очевидно «слепое пятно» в оде великого психолога. Он отчетливо видит, что «неправильно» в теории З.Фрейда с точки зрения классической экспериментальной психологии, но еще крайне далек от понимания тех преимуществ, который обрел психоанализ за счет отхода от ее фундаментальных принципов.

---

¹ K.Lewin, Psychoanalysis and topological Psychology, Bulletin of Menninger Clinic, vol.1, №6, 1937.

Статья написана на основе приветственного обращения к участникам встречи психоаналитиков и сторонников топологической психологии, состоявшейся в Меннингерской клинике 11-12 апреля 1936 года. Перевод публикуется впервые.

Попытка использовать топологические и векторные понятия в психологии возникла в связи с исследованиями, касающимися потребностей, воли и личности, иными словами – области исследований, относящейся к интересам психоанализа. Более того, представители топологической психологии в течение ряда лет пытались экспериментально исследовать некоторые из основных психоаналитических феноменов, таких, например, как замещение.

Действительно, между двумя этими подходами есть нечто большее, чем просто внешнее сходство:

1) для обоих подходов центр интересов лежит в области проблем эмоций, структуры и развития личности;

2) оба подхода пытаются разрушить барьеры, разделяющие различные области психологии;

3) оба подхода подчеркивают психологический смысл действий и объектов в противовес их физическому облику и «внешним» качествам,

4) оба подхода не довольствуются описаниями и пытаются иметь дело с условиями и каузальными взаимосвязями психологических феноменов.

Тем не менее, как мне кажется, между этими двумя подходами существуют и важные различия, которые грубо можно было бы классифицировать следующим образом:

1) Относительно используемой *методологии* –

а) психоаналитические идеи основываются главным образом на изучении отдельных случаев и на весьма своеобразном типе исследования и терапевтической техники; – топологическая же психология использует различные научные методы, но, главным образом, опирается на эксперимент;

б) топологическая психология не удовлетворяется тем способом доказательств [истинности] теорий, который характерен для психоанализа. Она настаивает на более жестких и высоких стандартах экспериментальной психологии, как, например, они сложились в психологии восприятия.

2) Что касается *формы* этих теорий, то психоанализ более или менее сознательно предпочитает богатство содержания – логической строгости теории. Эта установка Фрейда была, как мне думается, своевременной и, вероятно, более плодотворной, нежели противоположная позиция, и особенно, быть может, – с точки зрения терапевтических целей психоанализа. Сегодня же все большее число психоаналитиков, вероятно, согласилось бы с тем, что психоаналитические построения антропоморфны и недостаточно понятийны по своему характеру. Психоанализ сохраняет еще слишком много черт спекулятивного «схоластического» мышления и ис-

пользует выводы, которые, скорее, инстинктивны, чем логичны. Иными словами, психоанализ представляет собой, скорее, корпус идей, нежели систему теорий и понятий.

3) По поводу содержания *теории*:

а) психоанализ склонен давать исторические ответы на систематические проблемы; – топологическая же психология подчеркивает необходимость строгого различения этих двух типов проблем и имеет дело, главным образом, с систематическими проблемами.

б) топологическая психология подчеркивает необходимость разработки понятий, касающихся психологической среды, именно потому, что они распространяются на личность; она выводит все психологические события из жизненного пространства в целом, включающего как личность, так и ее окружение, тогда как психоанализ имеет дело главным образом с личностью.

Теперь было бы неплохо разобрать некоторые из этих проблем более подробно. Позвольте мне начать с рассмотрения тех пунктов, по которым психоанализ превосходит любой вид теорий, основанных на экспериментальной процедуре.

Психоаналитик имеет возможность достигать гораздо более полного и детального знания интимной истории личности. Его богатая и детально разработанная система идей касается глубинных слоев личности.

Когда Фрейд разрабатывал свои идеи, даже среди самих экспериментаторов было распространено мнение, что экспериментальная психология будто бы неспособна достичь глубоких слоев личности. Теперь же во множестве экспериментов показано, что это возможно, однако, знания психоаналитика касаются более широкой жизненной ситуации и более глубоких целей пациента, значительно превосходя здесь результаты, достигнутые внутри экспериментального подхода.

Психоанализ имеет особое превосходство в том, что можно было бы назвать историческим аспектом психологических событий. Однако и современная экспериментальная процедура становится, как можно думать, все более и более «исторической». Это означает, во-первых, что начинают учитывать историческую ситуацию личности в целом и, во-вторых, в целом ряде случаев пытаются экспериментально создать особую историю, позволяя испытуемому пройти через ряд ситуаций, чтобы построить ту, которую хотят изучать.

Бесспорно, эффективность психоанализа в области «исторических» проблем – это не только его сила, но и слабость. Именно для периода схоластического мышления характерно, что исторические проблемы (ка-

сающиеся источников) и систематические проблемы (касающиеся общих законов) не различаются достаточно ясно. Исторические и систематические проблемы в равной мере важны и, по крупному счету, не могут разрабатываться независимо друг от друга. Однако для психологии настало время понять, что эти группы проблем достаточно различаются между собой, чтобы иметь свои собственные логические качества и методологические требования.

Недостаток психоанализа, состоящий в недостаточном различении исторических и систематических вопросов, можно считать одним из самых слабых мест в его методологии и в его содержании.

Коль скоро речь идет о методологии, необходимо подчеркнуть, что законы в психологии могут быть установлены только посредством экспериментальной процедуры.

Часто считают, что процедура психоанализа является чем-то похожим на эксперимент, и выздоровление больного доказывает истинность теории. Я вполне признаю ценность этих «естественных экспериментов» для того, чтобы сделать определенные идеи более вероятными. И все же они не могут в достаточной мере выполнить функцию систематического экспериментирования.

Превосходство экспериментального метода основывается главным образом на двух вещах.

Во-первых, если изучают какой-то феномен посредством анализа случаев, то лишь с трудом предотвращают угрозу просмотра одного из многих важных факторов, которые всегда действуют совместно в образовании определенного феномена.

Первая задача экспериментальной процедуры состоит в создании того феномена, который мы хотим изучать. Экспериментатор, поэтому, старается отказаться от всякой частной точки зрения, которая является слишком узкой, поскольку феномен просто не проявится, если какой-нибудь важный фактор будет просмотрен теорией. Экспериментальная процедура, по самой своей сути, является всеобъемлющей процедурой, поскольку она принимает во внимание, как ситуацию, так и личность в целом. Одна из основных черт экспериментального метода состоит, поэтому, в том, что он является хорошим средством опровержения теорий и что он в большой степени сам себя корректирует.

Во-вторых, экспериментальный метод допускает количественные утверждения в отношении соответствующих динамических факторов.

Недостаточное разделение исторических и систематических проблем оказывает огромное влияние на содержание психоаналитической теории. В этом отношении психоанализ очень близок к прежней ассоциативной

психологии. Обе эти теории часто, отвечая на вопрос «почему личность ведет себя тем или иным образом?», указывают на сходное поведение в онтогенетическом или филогенетическом прошлом человека. Например, травма, фиксация или другие переживания, имевшие место в детстве, рассматриваются как причина поведения или установок взрослого.

С другой стороны, топологическая психология строго проводит принцип конкретности, в соответствии с которым только существующие в настоящем факты могут оказывать влияние на поведение. Это означает, что психологический процесс сегодня не может испытывать влияния со стороны вчерашних психологических фактов, которые сегодня имеют не большее существование, нежели психологические факты будущего².

Возможно, психоаналитик отреагирует на эту критику так же, как это делал приверженец ассоциативной психологии десятилетие назад, и ответит: «Указывая на прошлое при объяснении поведения в настоящем, мы имеем в виду, конечно, те факты поведения личности в настоящем, которые проистекают, или же испытывают влияние со стороны событий прошлого личности. Нет нужды говорить об этих очевидных вещах. Наш исторический язык нужно понимать просто как сокращенный способ выражения».

Я вполне признаю важность исторических факторов как источника состояния личности и ситуации в настоящем. Тем не менее, я не считаю, что исторический язык психоанализа является просто «сокращенным способом выражения». Это нелегко доказать, поскольку неопределенность понятийной стороны психоанализа, при существовании некоторых вполне законных аспектов исторического подхода, вообще-то дают возможность провести ряд оправданий и оставить двери открытыми в каждом отдельном случае, если только отделить его от целого психоаналитической системы и процедуры.

Этот недостаток может быть выявлен при обсуждении способа употребления психоанализом понятия «сходства» между двумя событиями в качестве критерия их исторической зависимости. Например, устанавливается, что определенные эмоциональные выражения взрослого обладают своими особыми качествами потому, что, будучи ребенком, человек вел себя аналогичным образом при сходных обстоятельствах. Равно и сходство эмоциональных выражений у различных людей выводится из их общего источника и, более специально, – из аналогичных переживаний их прародителей. Но такое выведение столь же неправильно, как

---

² Конечно, по содержанию психологические факты могут соотноситься с прошлым или будущим.

если бы мы стали выводить эмоциональную жизнь ребенка из аналогичного поведения, которое могло бы при сходных условиях наблюдаться у человека во взрослом возрасте. Топологическая психология придерживается принципа: «одни и те же условия ведут к одним и тем же эффектам», поскольку это положение выражает собой только то, что называют «закономерностью», а именно, – независимость от абсолютных временных и пространственных индексов. Если, поэтому, при одних и тех же условиях происходит одно и то же поведение, это не должно рассматриваться как нечто, нуждающееся в каком-либо объяснении, – это есть просто выражение закономерности рассматриваемого поля. С точки зрения научности, было бы неправильным давать какое бы то ни было «историческое объяснение» такому свойству.

Напротив, какое-то историческое влияние можно предполагать только тогда, когда повторение некоторой ситуации ведет к иному поведению. Не сходство, но различие эффектов в сходных ситуациях (или сходство эффектов в различных ситуациях) имеет историческое значение. В таком случае мы можем предположить, что имело место некоторое изменение личности или ситуации, и что сходные ситуации в силу исторических причин стали в действительности различными. Если мы установили, что структура жизненного пространства при определенном эмоциональном состоянии, например, при отчаянии, по сути одна и та же на различных возрастных уровнях, то историческое объяснение в этом случае было бы излишним или даже недопустимым. Вместо этого, специфический характер поведения можно было бы «объяснить» (или «вывести из») специфических динамических качеств жизненного пространства в настоящем.

На мой взгляд, проблема оппозиции систематического и исторического объяснения является основной почти для каждого важного вопроса психоанализа. Если только состояние личности в настоящем влияет на ее текущее поведение, как это предполагает топологическая психология, и если в то же самое время определенные переживания и структуры ребенка имеют прямое влияние на взрослого, как считает психоанализ, то нужно было бы предположить чрезвычайную ригидность приобретенных структур. Вопрос о том, в какой мере динамическая структура личности сохраняется неизменной в ходе развития, и какого рода изменения действительно происходят, есть один из основных вопросов психологии. Но всякий подход к нему будет неудовлетворительным, пока не будут в достаточной мере уяснены различия между историческими и систематическими проблемами, и каждый из этих типов не будет разрабатываться соответственно его природе. (Мы еще вернемся к этому вопросу при обсуждении проблемы регрессии).

Последний вопрос, который я хотел бы упомянуть, касается понятийной стороны психоанализа.

Всякая попытка научного рассмотрения каузальных проблем означает необходимость покинуть поле непосредственно наблюдаемых феноменов и требует введения «промежуточных понятий» (Толман), т.е. «конструктов», таких как «сила», «либидо», «побуждение», которые могут наблюдаться только опосредованно. В этом отношении и психоанализ, и топологическая психология противостоят примитивному эмпиризму, основная идея которого состоит, по-видимому, в ограничении науки сбором непосредственно наблюдаемых фактов. Необходимыми следствиями конструктивного метода являются:

- 1) ясно определенные логические качества конструктов и
- 2) координирующие определения, устанавливающие отношения между конструктами и непосредственно наблюдаемыми феноменами.

Без этих четких координирующих определений и без самой жесткой процедуры их фактического применения конструктивный метод становится просто спекуляцией. Стандарты топологической психологии в этом отношении гораздо выше, чем психоанализа.

Как и большинство психологических теорий, касающихся потребностей, личности, фантазии и т.д., психоанализ является неудовлетворительным с логической точки зрения. Используемые в нем понятия по своей строгости далеки от математических понятий; иначе говоря, выводы и заключения делаются больше по смыслу, чем по логике в строгом смысле. Если, например, спросить психоаналитика, является ли «либидо» энергией или силой, он обычно в соответствии с определениями, даваемыми в психоаналитической литературе, ответит, что либидо – это «направленная энергия».

Вероятно, нельзя принимать такой язык совершенно всерьез и спрашивать, в каком поле либидо осуществляет свои переходы, каким образом могут быть определены направление и степень изменения этого направления; как может быть измерен «момент» либидо и т.д. Однако, психология никогда не достигнет состояния логически и эмпирически строгой науки, если она сначала не приведет в соответствие своему уровню притязаний свое понятийное оснащение. Более того, топологическая и векторная психология способна, по-видимому, предложить ряд понятий, строгих в математическом отношении и вместе с тем вполне адекватных природе психологических процессов и не ограниченных принадлежностью к той или иной школе. В качестве примера математизации психоаналитических проблем с помощью топологических и векторных понятий я остановлюсь коротко на проблеме «регрессии».

«Регрессия» в психоанализе означает обращение либидо от прогрессивного развития к состоянию или направлению, характерному для более примитивной ступени. Некоторые психоаналитики помимо «регрессии либидо» выделяют «топическую», «темпоральную» и «формальную» регрессии.

Содержание, выраженное в терминах регрессии и примитивизации, представляется не допускающим возможность математизации. Тем не менее, как только нам удастся представить неким математическим образом основные различия между ребенком и взрослым, такая возможность легко себя обнаруживает.

Одно из различий между взрослым и ребенком состоит в том, что взрослый представляет собой более расчлененную систему. Степень дифференциации должна определяться как число подсистем внутри личности, которые до известной степени функционально обособлены. Мы здесь не располагаем местом, чтобы указать значение термина «функциональная обособленность» и способ, посредством которого она может быть определена. Достаточно лишь подчеркнуть, что функциональная обособленность соседних систем является относительной. Более того, степень расчленения, или иными словами, число подсистем внутри личности следует признать различной для различных типов процессов и для различных по величине сил, включенных в эти процессы. По отношению к большим силам, например, в ситуации сильного давления, личность оказывается менее дифференцированной системой, чем при нормальных условиях. Другими словами, личность под давлением будет «регрессировать» к более «примитивному» уровню, по крайней мере, в том, что касается степени ее расчлененности.

Этого схематического представления способа рассмотрения регрессии с помощью топологических и векторных понятий, быть может, достаточно, чтобы показать то, что я имею в виду.

Для такого способа рассмотрения характерно, что понятие «расчленения» всерьез берется в отношении к его математическим свойствам и, вместе с тем, – как репрезентирующее ряд конкретных систем. Для расчленения принимается функциональный критерий, а именно – «функциональная взаимосвязь». Из этих понятий, предполагающих относительный характер степени расчленения, следует также, что степень расчленения данной системы при определенных обстоятельствах будет динамической.

До сих пор процедура состоит в разработке системы понятий, положений и заключений в сфере логической динамики. Затем вводятся координирующие определения (Райхенбах).

Иными словами, появляются эмпирические аспекты процедуры, когда более юная личность координируется с менее расчлененной системой, чем личность более взрослая. Эта координация, конечно, должна допускать эмпирическую проверку. Ибо при нашем способе рассмотрения проблемы регрессии процедура достигает успеха не только в представлении регрессии в математически определенных терминах, но она предполагает также ряд утверждений относительно условий и эффектов регрессии, иначе говоря, она включает дедуктивную теорию регрессии, которая может быть проверена экспериментально.

Эксперименты Баркер, Дембо и Левина, по-видимому, показывают, что эти заключения действительно верны. Они допускают количественные измерения регрессии. Коль скоро регрессия определяется посредством математических понятий в рамках других строго определенных понятий и положений, то становится возможным вывести заранее определенные типы регрессии и связать их, например, с вопросами внимания, мозговых поражений и с другими условиями, при которых ряд систем личности, включенных в данную деятельность, претерпевает редукцию постоянную или временную.

Таким образом, связывается ряд внешне несвязных фактов. Возникают замыслы новых экспериментальных исследований, и открывается ряд независимых возможностей для доказательства или опровержения теории.

Намечаемая таким образом теория регрессии полностью внеисторична. В соответствии с ней, регрессивное поведение будет происходить при описанных условиях, даже если рассматриваемая личность уже взрослой была бы вылеплена из глины.

Иными словами: даже личность без детства, которая никогда не испытывала характерного для ребенка поведения, все равно регрессировала бы к поведению, подобному поведению ребенка. Это предполагает возможность того, что регрессия может вести к поведению, совершенно отличному от того, которое действительно встречалось в истории индивида. То тесное отношение, которое психоанализ находит в случае регрессии между поведением взрослого в настоящем и определенными переживаниями детства, само до известной степени может быть результатом психоаналитического метода раскрытия истории личности, т.е. раскрытия ее посредством свободных ассоциаций, анализа сновидений и других процедур. Но, в соответствии с точкой зрения топологической психологии, сами эти процедуры зависят от состояния личности в настоящем. Является, по меньшей мере, возможным, что история «позади» психоневроза, как она раскрывается психоаналитическим методом, силь-

но отличается от действительной истории личности. Такое расхождение не будет, вероятно, интерферировать с терапевтическим эффектом аналитической процедуры, поскольку и болезнь, и ассоциации, и лечение зависят от настоящего состояния личности и могут соответствовать друг другу, несмотря на важные различия между действительной историей личности и той, что раскрывается психоанализом.

Историческая сторона проблемы регрессии становится доступной изучению удовлетворительным образом, только если установлены действительные исторические факты³.

Хорошо было бы теперь закончить кратким рассказом об экспериментальном подходе к фундаментальной психоаналитической проблеме «замещения». Этот термин связывается с культурологическими проблемами, проблемами психопатологии, сновидений и др. Здесь мы вновь замечаем, что степень совершенства понятия полностью соответствует тщательности его разработки и разнообразию его применения.

Конечно, трудно разработать понятие замещения, пока понятийно неясны основополагающие идеи потребности и побуждения.

Топологическая и векторная психология дает средства для разработки, понятийно более определенного и эмпирически более доступного проверки, понятия потребности благодаря тому, что ставит потребность в соответствие некой напряженной системе.

Это делает возможным, кроме всего прочего:

- 1) ввести понятие «замещающей ценности» и дать эмпирические критерии для нее;
- 2) вывести условия, при которых деятельности будут обладать замещающей ценностью.

Отправляясь от этих вполне определенных рабочих гипотез, мы получаем возможность исследовать экспериментально то, каким образом замещающая ценность зависит от сходства двух деятельностей, от степени трудности замещаемого действия, от податливости используемого материала, а также от степени реальности и подвижности ситуации.

Здесь опять эксперимент дает нам преимущество количественных утверждений. Большая понятийная точность позволяет делать определенные заключения в различных психологических областях, например, в области личности или в сфере умственной отсталости. В то же время она открывает ряд возможностей для более строгой, чем в условиях психоаналитической процедуры, проверки эмпирической ценности теории.

---

³ Психоанализ и сам сделал важный шаг в этом направлении.

Резюмируя, можно было бы сказать, что психоаналитическая теория выработала систему идей, не имеющую себе равных по богатству и детальной разработанности в области потребностей, сновидений и личности. Ее метод изучения отдельных случаев обладает тем преимуществом, что позволяет раскрыть интимную историю индивида и глубокие слои личности таким образом, который недоступен никаким другим методам. Психоаналитический метод, однако, не имеет таких возможностей для проверки законов, которые дает экспериментальная процедура. Необходимо довести рассматриваемые проблемы до существенно более высокого – понятийного – уровня. Топологическая и векторная психология, которая сама по себе нейтральна по отношению к различным психологическим школам, по-видимому, может оказаться полезной в этом отношении. Прежде всего, необходимо различить исторические и систематические проблемы и свести исторические вопросы к систематическим. Поскольку же систематические и исторические проблемы в психологии могут быть окончательно разрешены только при совместном их рассмотрении, кооперация двух подходов может оказаться плодотворной⁴.

Перевод с англ. *А.А. Пузыря.* 1975 г.

---

⁴ Работа доктора Х.Мэррей и его сотрудников в Гарвардской психологической клинике и д-ра Дж.Ф.Брауна в Меннингерской клинике является, по-видимому, важным шагом в этом направлении.